
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

ПЕРВЫЙ РЕЦЕНЗЕНТ «ИЛИМСКОЙ ПАШНИ», или ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Пространство — первая из наших координат.

Время — вторая.

Л. Февр

Первый печатный отклик на «Илимскую пашню» В.Н. Шерстобоева был опубликован на страницах областной газеты «Восточно-Сибирская правда» 11 октября 1949 г. Автором рецензии, благословившим работу на долгую научную жизнь или, по его словам, «крестившим» ее, выступил Вадим Вячеславович Покшишевский (1905–1984), как следовало из подписи под публикацией — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института экономики АН СССР.

В качестве руководителя Восточно-Сибирской и Якутской экспедиций, организованных институтом и призванных осуществить экономико-географическое обследование указанных территорий с целью определения перспективных направлений их хозяйственного развития, В.В. Покшишевский неоднократно в конце 1940–начале 1950-х гг. посещал Иркутск, сотрудничал с местными экономико-географами, группировавшимися вокруг экономико-географического сектора формировавшегося Восточно-Сибирского филиала АН СССР. «Сибирские» главы подготовленной (и защищенной в 1949 г.) докторской диссертации «География миграций населения в России. Опыт историко-географического исследования» легли в основу книги «Заселение Сибири (историко-географические очерки)», готовившуюся к изданию (и в 1951 г. увидевшую свет) в Иркутском областном издательстве.

Занятия географией миграций населения и являвшиеся их неотъемлемой частью историко-географические исследования заселения Сибири — начало формированию этой новой в географической науке проблемной области положено было ретроспективным подходом к теме — обусловили интерес к работам историков, стремление осмыслить их с географических позиций. Среди историков, обладающих «чувством пространства», искал исследователь и поддержки своим пионерным работам в этой области, поскольку географическое сообщество отнеслось к ним весьма неоднозначно. Четверть столетия спустя опи-

сываемых событий В.В. Покшишевский вспоминал: «В 1949 г., когда я защищал в Московском университете свою диссертацию ..., некоторые экономико-географы сломали немало копий доказывая, что само включение миграций в круг географических исследований якобы неизбежно должно привести исследователя на рельсы географического детерминизма и даже геополитики; с другой стороны, моими союзниками выступил ряд историков. При ретроспективном характере всей работы ... это было естественно»¹.

Приведенные слова не передают всей остроты сложившейся ситуации, даже не намекают на начавшееся научное противоборство (в ходе которого его оппонентами в ход пускались далекие от науки приемы), на три долгих года отложившее присуждение В.В. Покшишевскому ученой степени доктора наук. Хотя в их свете даже факт публикации им своих историко-географических очерков вдали от «полей сражений», во все еще провинциальном в те годы с точки зрения развития географической науки Иркутске, выглядит совершенно иначе. Отголоски «боев за географию», однако, ясно слышны со страниц завязавшейся у него переписки с автором «Илимской пашни», которая едва ли не вся укладывается в эти три года². Боев, оружием одной из сторон в которых станет «история». Правда, оружием в те годы обоюдоострым, заставляющим исследователя его использующего идти «по лезвию бритвы» между «географическим» и «историческим детерминизмом». Проблемы союза «времени» и «пространства» в исследовательской практике, как историков, так и географов, зададут угол зрения, под которым Покшишевский подвергнет разбору первый том работы В.Н. Шерстобоева, станут одной из тем его писем, бесед во время редких встреч, как в Иркутске, так и в Москве.

Уже в первых строках своей газетной публикации В.В. Покшишевский со свойственной его письму образностью определяет важнейшее условие научного понимания исторического процесса заселения и освоения русским народом Сибири — ясное представление исследователем-историком географического «театра», на котором он разворачивался. «Илимская пашня» потому и стала серьезным достижением, по его мнению, именно историко-географической науки, что в полной мере отвечает этому условию. И не только благодаря открывающим работу главам, дающим общую характеристику изучаемой территории, ее географии, природным условиям, рельефу, климату, почвам и растительности (хотя они и сообщают все существенно важное). Вся книга построена на прочной географической основе: география «прокралась» даже в основную ее главу, посвященную экономике и технике крестьянского хозяйства — рецензент с особым удовольствием указывает на установленную автором связь господствовавшей в Ангаро-Илимо-Ленском междуречье в рассматриваемую эпоху системы земледелия (двуполья) с географическими условиями³.

По горячим следам газетной публикации В.Н. Шерстобоев спешит не только порадовать информацией о ней своих столичных корреспондентов, кому была небезразлична судьба его книги, но и получить сведения о неведомом ему авторе. В письме к В.К. Яцунскому от 20 октября 1949 г. он пишет: «11 октября в местной газете появилась рецензия В. Покшишевского “Илимская пашня”. В ней дан, к удовлетворению всех моих друзей, положительный отзыв о работе. Я был бы Вам искренне признателен, если бы Вы сообщили мне имя и отчество моего первого рецензента»⁴. Отсылая же неделю спустя вырезку из газеты с рецензией С.Г. Струмилину, высказывает и свое мнение о содержании отклика: «Упреки, которые она мне делает, нельзя считать страшными. Спафарий проехал по Ангаре, следовательно в Илимске не был и к тому же называет очень немногие селения, не придавая значения точности их названий. В отношении увлечения мною слаженностью работ Илимской приказной избы можно заметить, что подобное изображение деятельности старинного уездного учреждения ранее в исторической литературе не давалось. Но нужно признать, что рецензия очень дельная и мои друзья поздравили меня с хорошим отзывом газеты»⁵.

Будучи посвящена расселению мигрирующего населения и хозяйственному освоению им новых территорий, в ходе которого создаются новые культурные ландшафты, происходит перенос культурных растений, накапливается опыт создания устойчивого земледелия в суровых горно-таежных условиях, осуществляется вовлечение в хозяйственный оборот новых ископаемых ресурсов, книга сибирского ученого, на взгляд В.В. Покшишевского, по определению являлась историко-географической. Но не в том узком понимании «исторической географии» как вспомогательной исторической дисциплины — «служанки» истории, что стало распространяться в исторической науке в послевоенный период, и против которого не могли не «восстать» представители географической науки. «Историческая география» трактуется В.В. Покшишевским в качестве субдисциплины географии, складывающейся в процессе применения исторического подхода к экономико-географическим явлениям, своеобразной исторической экономической географии⁶.

В развернутом варианте рецензии, опубликованном год спустя в сборнике «Вопросов географии», специально посвященном исторической географии, В.В. Покшишевский демонстрирует именно такое понимание, называя книгу «доходящим до первичных хозяйственных клеточек экономико-географическим очерком Илимского края, приуроченным ко 2-ой половине XVII и началу XVIII в., тесно сплетенным с обширным собственно историческим материалом». География фактически становится неотъемлемой частью «ядра» предпринятого В.Н. Шерстобоевым исследования. На «периферии» же оказываются те приемы, с помощью которых ученый фиксирует конкретные исторические условия, в которых

функционирует экономика крестьянских хозяйств. Правда, рецензент отчасти снимает остроту такого определения предметной области исследования, оговариваясь, что его взгляд — «с позиций главным образом географической науки»⁷.

Покшишевский едва ли не единственный из рецензентов книги, кто одобрительно отозвался о ее названии — «Илимская пашня», по его словам, «выразительном»⁸, хотя книга имела куда более строго очерчивающий хронологические и территориальные рамки исследования подзаголовок — «Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века». «Выразительность» названия, как представляется, заключалась в том, что «Илимская пашня» — отнюдь не некая административно-территориальная единица, не искусственно выделенная автором единица анализа или те мелкие участки возделанной земли, что были рассеяны по склонам гор, спускающимся в долины Ангары, Илима и Лены. «Илимская пашня» — это среда, на протяжении XVII и начала XVIII вв. формировавшая способы человеческого взаимодействия (причем, не только в производстве, экономике, но и далеко за ее пределами) и им же формировавшаяся. Среда, которая не застывает на десятилетия или столетия подобно административным границам, а, меняясь в результате деятельности людей, изменяет и формы человеческого общежития.

В.В. Покшишевский, сам не чуждый «полевой исторической географии»⁹, не мог не оценить и результатов обследований местности изучаемых исторических процессов, предпринятых иркутским ученым параллельно архивным разысканиям. И включенных им, фактически, в число методов реконструкции прошлого. Благодаря отнюдь не кабинетному знакомству с ее географией и топонимикой, с помощью экспедиционного метода полученных сведений о происхождении семей, их передвижении по региону, «автор дает объяснение происхождению названий почти всех населенных пунктов, существующих и ныне..., связывая эти названия главным образом с именами крестьян, известными ему по архивным делам». Не ускользает от рецензента и иллюстративный ряд книги, поскольку даже при плохом качестве фоторепродукций «несколько снимков с уцелевших древних сооружений, а также снимков, характеризующих природу и современные культурные ландшафты края, усиливают богатый географический “фон” книги и оживляют его»¹⁰.

Выход в свет книжки «Вопросов географии» с опубликованной на ее страницах рецензией стала поводом для написания первого, из отложившихся в архивном фонде В.Н. Шерстобоева, письма Покшишевского. «Дорогой Вадим Николаевич, — писал он 25 октября 1950 г. — Одновременно высылаю Вам бандеролью 20-й сборник “Вопросов географии” с моей рецензией на “Илимскую пашню”. В этом сборнике Вы узрите и статью Шункова о сибирском земледелии¹¹, которая поразила меня своей поверхностностью, пренебрежением к природным условиям и недооценкой

всего того, что раскрыто Вашим трудом (хотя в статье и есть ссылки на него, видимо добавленные в последний момент). А в целом сборник по моему интересный... Надеюсь, за мою рецензию не рассердитесь»¹².

Немногим более года спустя рецензии В.В. Покшишевского суждено было быть озвученной им в качестве отзыва четвертого неофициального оппонента¹³ на защите Шерстобоевым первого тома «Илимской пашни» в качестве докторской диссертации в Институте экономики АН СССР. Свое выступление он счел необходимым предварить словами: «Я могу с тем большим правом заявить здесь о больших достоинствах труда В.Н. Шерстобоева, что работая над собственной своей книгой — историко-географическими очерками о заселении Сибири, пользовался им не только как читатель, но и как исследователь, и получил возможность, благодаря введенному автором в научный оборот очень детальному материалу, рассмотреть ряд важных черт огромного процесса заселения и хозяйственного освоения Сибири»¹⁴.

В.В. Покшишевский не только неоднократно ссылается на работу Шерстобоева в тексте своей книги «Заселение Сибири (историко-географические очерки)» (Иркутск, 1951), но, что более важно для нас, упоминает ее во вступлении «От автора», где вновь формулирует авторское видение проблем исторической географии. Миграции населения на каждом их историческом этапе, считает он, должны рассматриваться в связи с хозяйственной деятельностью людей, заселявших Сибирь. Историко-географическое изучение только тогда покоится на прочном научном фундаменте, когда учитывает весь спектр географических связей колонизационного процесса, и, прежде всего, оценивает природные условия хозяйственной деятельности людей и результаты воздействия этой деятельности на географическую среду.

«Правильная марксистская историческая концепция», имеющаяся в арсенале исследователей и со стороны способа производства, с классовых позиций вскрывающая движущие силы всего колонизационного процесса является, по словам В.В. Покшишевского, «предпосылкой» историко-географического анализа. Предпосылкой и в том смысле, что движущие силы переселения наиболее полно и отчетливо проявляют себя в местах зарождения миграционных потоков. Для историко-экономической же географии первоочередной интерес представляют районы оседания мигрирующего населения, поскольку «именно в ходе расселения мигрирующего населения и хозяйственного освоения им новых территорий осуществляется та творческая, освоительная “работа”, которая определяет географическую значимость миграций»¹⁵.

Экономическая география, использующая исторический подход, призвана решать по ходу анализа «иммиграционного полюса» миграций ряд специальных вопросов: «...не упускать из виду различий хозяйственных укладов на тех территориях, которые были охвачены процессом

миграций населения, связывать этот процесс с формированием экономико-географических районов; ...правильно оценивать взаимодействия между обществом и географической средой применительно к каждому из исторических этапов рассматриваемых им миграций населения, устанавливать хозяйственно-географические последствия притока на заселяемые территории новых масс населения, связанные с этим изменения в уровне производительных сил и т.д.»¹⁶.

Достижимая исторической экономической географией в ходе реконструкции хода заселения Сибири пространственная локализация исторического процесса колонизации не только способствует углублению представлений о разнообразных его сторонах, но дает возможность установить и объяснить местные его особенности. Подходя к раскрытию темы исследования, по его собственному признанию, как географ, Покшишевский «не мог не отмечать особенностей и различий отдельных районов этого громадного края». Поэтому сложность написания общей картины заселения Сибири он и усматривает в отсутствии детальных исторических очерков по отдельным ее районам, «вроде превосходного исследования В.Н. Шерстобоева “Илимская пашня”. Подобных исторических “районных” работ у нас пока, к сожалению, мало»¹⁷.

Стоит заметить, что В.В. Покшишевский в эти годы живо откликнулся в печати на выход в свет таких «районных» исторических исследований (книга Шерстобоева не была в этом смысле исключением), обращая пристальное внимание, прежде всего, на историко-географическую их «составляющую». Хотя само их отнесение к разряду историко-географических и было обусловлено зачастую тем, что богатый фактический материал таких работ размещался не только вдоль оси времени, но и пространства. Однако, как отмечал он в одном из своих писем В.Н. Шерстобоеву, «...каждая из этих районных “историй” становится ответственным пособием для исторической географии, и ценность ее прямо зависит от того, насколько полно и правильно показаны в ней взаимодействие людей с географической средой для прошлых эпох...»¹⁸.

С легкой руки В.В. Покшишевского книге Шерстобоева суждено было войти в число классических конкретных историко-географических трудов, созданных в советский период и упоминаемых в историко-научных обзорах экономико-географами. А имени автора — встать в один ряд с именами таких авторитетных, сформировавшихся еще до революции историков как М.К. Любавский, С.В. Бахрушин, М.Н. Тихомиров, П.Г. Любомиров и др.¹⁹

Тем больший интерес представляет реакция историков на публикацию в известной мере вторгающейся на их проблемное поле книги самого Покшишевского. Географа радует и одновременно настораживает дошедшая до него информация о готовящейся иркутскими историками рецензии. В письме Шерстобоеву он просит уточнений, пересказа, по

возможности, содержания, интересующего его «не только по линии ... конъюнктур»: «Я совершенно неспособен, как некоторые, сам “организовывать” рецензии на свои работы, и поэтому этому сообщению весьма обрадовался, тем более, что в Москве моя книжка никак не была отмечена, а сие накануне ВАК’а становится весьма желательным. Не сомневаюсь, что найдутся (если уже не нашлись) “друзья”, которые постараются написать плохое, и даже с этой точки зрения желательно, чтобы место уже было занято чем-то во всяком случае объективным...»²⁰.

«Слово для ответа» взял признанный лидер иркутских историков тех лет Ф.А. Кудрявцев. Его рецензию, опубликованную на страницах газеты «Восточно-Сибирская правда»²¹, если ориентироваться лишь на разбросанные по тексту оценочные суждения — «ценный опыт сводного труда», «интересная книга», «патриотическая направленность книги» и т.д. — можно счесть «положительной», или, если воспользоваться применяемой и в наши дни формулой, признающей за книгой ряд несомненных достоинств, хотя и усматривающей в ней недостатки. Сделанные рецензентом замечания об отсутствии должного внимания к проблеме взаимоотношений переселенцев и аборигенов: преимущественном интересе к сдвигам в географии коренного населения, а не к «плодотворному влиянию русского народа на народы Сибири» (?!), или неверной дате начала добычи серебра и других металлов в Нерчинском горнодобывающем округе, вряд ли могут быть признаны серьезными. Куда более серьезный ущерб работе и научному авторитету автора наносили обнаруженные рецензентом ее «достоинства», а главное — делали ее уязвимой для критики со стороны части географического сообщества. В качестве таковых он собрал едва ли не все устоявшиеся в историческом материализме штампы «марксистско-ленинской исторической концепции» и цитаты «классиков», которыми Покшишевский, словно «оберегами», защищающими от обвинений в «географическом детерминизме», снабдил введение и заключение книги.

Рецензия, быть может не сознательно, выхолащивала из работы основное — оригинальный экономико-географический подход ее автора к историческому материалу. Стремление того проследить обусловленность процесса заселения Сибири ее географической средой, действовавшей опосредованно, через размещение производства, вовлекавшего в оборот те или иные природные ресурсы, рецензент «прочитал» исторически (= идеологически) более грамотно: «В работе четко выясняется соотношение социальных условий и географической среды. Учитывая ее роль, автор показывает, что определяющее влияние имели не географические условия, а развитие производительных сил и производственных отношений...»²².

Не подобное ли «прочтение» заставило В.В. Покшишевского, воспользовавшись посредничеством В.Н. Шерстобоева, просить рецензен-

та воздержаться от публикации отзыва в центральных географических изданиях? Задаться таким вопросом заставляют строки из еще одного письма Покшишевского, датированного 18 января 1952 г., в котором он писал: «Дорогой Вадим Николаевич. Простите, что заставил Вас иметь неприятный разговор. Считайте его, все же, не совершенно бесплодным, ибо 1-е рецензия, которая без него все же, вероятно, рано или поздно была бы куда-нибудь послана и вызвала бы восторг “своры” — осталась в письменном столе. 2-е Вы говорили про меня что-то хорошее, а хорошее по Евангелию Диккенса никогда не пропадает вовсе; Вы заронили “семя” в крокодилову душу и теперь от самого крокодила зависит встать на путь совестливости и “спасения”; и 3-е мы с вами узнали, что на свете есть еще один ограниченный “левак”²³»²⁴.

Разговор оказался все же бесплодным. Рецензия была не только отправлена автором в сборник «Вопросы географии», но и опубликована в выпуске, посвященном истории географических знаний и исторической географии СССР. По сравнению с газетным вариантом рецензия «освежилась» и «обогатилась» включением абзацев, упоминающих о гениальном труде И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и директивах очередного партийного съезда. Видимо считая, что он обнаружил у книги слишком много «достоинств», рецензент решил расширить ту часть отзыва, что была посвящена недостаткам. К их числу он причислил недооценку автором «ценнейших указаний В.И. Ленина о значении окраин в период развития капитализма». Именно отмеченное последним развитие капитализма вширь, распространение господства капиталистических производственных отношений на новые территории, по мнению Ф.А. Кудрявцева, «составляло одно из главных условий переселения в Сибирь и хозяйственного освоения края при капитализме»²⁵. Бросал рецензент и совсем необязательный, а главное — весьма неосторожный в то время, упрек в избыточном, на его взгляд, цитировании «американских и прочих фальсификаторов истории и географии Сибири, пытавшихся по заказу своих империалистических хозяев извратить действительный ход заселения и освоения края»²⁶.

По воле ли случая или же преднамеренно рецензия Кудрявцева была напечатана в одном сборнике и в подбор с рецензией самого В.В. Покшишевского на книгу Л.Е. Иофы «Города Урала» (М., 1951), которую он в одном из писем настоятельно рекомендовал вниманию В.Н. Шерстобоева²⁷. Не трудно догадаться, что в своем содержательном, хотя и не лишенном критических замечаний отклике, рецензент основным достоинством работы называет ее «географичность» — читатель на протяжении всего повествования ясно ощущает географическую сторону анализируемых автором исторических процессов. Книга, на его взгляд, «является примером сводного “регионального” исследования по исторической географии и в том ее понимании, которое завоевывает себе все

большее признание в советской науке. Вместе с тем книга убедительно показывает необходимость исторического подхода к экономико-географическим явлениям»²⁸.

Впрочем, рецензия иркутского историка уже не могла быть использована научными оппонентами Покшишевского. Еще на исходе марта 1952 г. он спешит сообщить своему иркутскому корреспонденту и единомышленнику радостную весть: «Вам одному из первых надлежит узнать об одержанной мною, наконец, победе “над супостатами” — о присвоении мне за так долго оспариваемую диссертацию докторской степени. Сие, наконец, произошло позавчера на пленуме ВАК... “Ныне отпускаеши” — конечно, это большое ядро, к которому я был прикован последние 3 года, отвалилось, и не придется мне уже отражать всякие явные и неявные клеюзы»²⁹. И тут же делится с ним планами научных работ, среди которых ближайшая — добиваться опубликования в виде книги своей докторской диссертации, частью которой надлежало стать «Заселению Сибири».

«Чувства пространства», столь им ценимого у историков, В.В. Покшишевский не обнаружил при знакомстве с первым томом «Истории Бурят-Монгольской АССР» (Улан-Удэ, 1951), подготовленным при участии группы иркутских историков во главе с Ф.А. Кудрявцевым, экземпляр которого В.Н. Шерстобоев выслал ему. Сразу по получении книги, откликаясь на сопровождающее бандероль письмо, он спешит познакомиться с иркутского корреспондента со своими первыми впечатлениями: «“Бурят-Монголию” только полистал. Мне показалось, что книжка эта элементарно-компилятивна и обходит многие важные вопросы полумолчанием (напр. вопрос о развитии у бурят “перед русскими” земель, по которому я стал сразу же искать материал, но нашел лишь экивоки), что авторы больше стремились вставить максимум цитат из Маркса, чем самостоятельно решать вопросы. Если к тому же, как Вы утверждаете, документы, впервые вводимые в научный оборот, проанализированы неряшливо, то ценность ее вряд ли велика. Тем не менее, здесь собрано многое из того, что без этой книжки приходилось бы (и фактически приходится, напр. мне) разыскивать по множеству литературных источников»³⁰.

Полтора месяца спустя в своем очередном письме, продолжая разговор о книге, В.В. Покшишевский делится планами «... поместить в каком-либо географическом журнале обзор нескольких уже появившихся “республиканских” историй (Якутии, т. I, Бурят-Монголии, т. I, Молдавии, т. I, и, говорят, есть уже Армении, т. I) под углом зрения того, как раскрыт в этих книгах “географический фон”, совершенно необходимый для полноценного анализа исторического процесса. С точки зрения этих географических претензий... — не выдерживает критики прежде всего история Б[урят].-М[онголии]. География в ней и не ночевала»³¹.

Как известно, В.Н. Шерстобоев также выступил с резкой критикой первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР», которая, однако, не носила столь узкого «предметного» характера. Ученый усмотрел основной изъян книги в ее «неправильной методологической основе», фактически сделав главной мишенью критики позитивизм, официально осуждавшийся, но являвшийся фундаментальной установкой большей части местных историков, ограничивавших исследовательские задачи поиском и компиляцией источников.

Критика В.Н. Шерстобоевым — экономистом-аграрием по образованию и роду деятельности — местного исторического сообщества в лице его лидера коснулась естественно, прежде всего, отсутствия в аналитическом арсенале историков специальных знаний в области агротехники, экономики и статистики, с которыми только и следует подходить к источникам, реконструируя сюжеты прошлого экономики. Думается, не без известного влияния столичного экономико-географа в перечне специальных дисциплин, с которыми основательно должен быть знаком историк, появилась и география. Подвергнув постраничному разбору главы «Истории Бурят-Монгольской АССР», написанные Ф.А. Кудрявцевым, он вынужден был констатировать в своем обращении к автору: «Вы не потрудились овладеть простыми элементами знания о нашем крае... Вы не знаете ни географии нашей территории, ни данных о населении, не знаете ни родов, ни волостей, не знаете устройства уездов, не знаете изменения волостных управлений, не знаете системы губернского управления, не знаете системы управления посадскими, не знакомы с вопросами церковных и монастырских дел, которые являются какой-то частью общей истории»³².

Носителями нормативного исторического знания по отношению к местному историческому сообществу, практика историописания которого определялась скорее идеологическими и политическими, нежели профессиональными установками, довелось выступить представителям совершенно иных профессиональных групп. Только включение в ткань исторического исследования знаний почерпнутых из смежных отраслей науки могло обеспечить возвращение в историографическую практику научного подхода к изучению предмета³³.

Во второй половине 1950-х гг. В.В. Покшишевский покинет Институт экономики АН СССР. Иные темы и направления географической науки увлекут его, возрастет интерес к теоретическим и методологическим ее проблемам. Прекратятся, по всей видимости, и его контакты с иркутским коллегой. Именно коллегой, поскольку В.Н. Шерстобоев, лишенный возможности заниматься экономической историей, обратится к проблемам экономической географии. Уже в качестве научного сотрудника отдела экономики и географии Восточно-Сибирского филиала АН СССР он совершит ряд экспедиций по Илиму и Ангаре. Из-под его пера выйдут

работы, посвященные экономическому (сельскохозяйственному) районированию Иркутской области. Увлечет его проблема использования приемов экономического районирования для целей систематизации локальных исследований истории Сибири. Однако это уже совсем другая история с географией...

Примечания

¹ Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки. М., 1978. С. 158.

² В личном фонде В.Н. Шерстобоева в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 279) отложилось 8 писем В.В. Покшишевского, отправленных в период с 25 октября 1950 г. по 28 января 1954 г.

³ Покшишевский В. «Илимская пашня» // Восточно-Сибирская правда. 1949. 11 окт. С. 3.

⁴ Архив РАН (АРАН). Ф. 1639, оп. 1, д. 637, л. 1.

⁵ Переписка В.Н. Шерстобоева с академиком С.Г. Струмилиным / сост. и прим. Д.Я. Майдачевского // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. Иркутск, 2009. С. 16–17.

⁶ В своей во многом итоговой работе В.В. Покшишевский позднее даст ей следующее определение: «Историческая география призвана реконструировать картины географии прошлых эпох (выбирая типичные с точки зрения исторической периодизации или переломные моменты). В ходе этой реконструкции она стремится применить весь свойственный географическим наукам арсенал раскрытия связи явлений, показа их пространственных комплексов, то есть сохраняется вся система географических понятий, но ей как бы придается еще и временная координата» (Покшишевский В.В. Население и география... С. 61).

⁷ Покшишевский В. [Рецензия] // Вопросы географии. Сб. 20. Историческая география СССР. М., 1950. С. 309.

⁸ Там же. С. 307.

⁹ См.: Лаппо Г.М. В.В. Покшишевский — классик отечественной географии // Известия РАН. Сер. географическая. 2006. № 5. С. 116.

¹⁰ Покшишевский В. [Рецензия] // Вопросы географии. Сб. 20. Историческая география СССР. М., 1950. С. 310.

¹¹ См.: Шунков В.И. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII веке // Вопросы географии. Вып. 20. М., 1950. С. 203–238.

¹² ГАИО. Ф.р-2683, оп. 1, д. 279, л. 1об. В своем письме к В.К. Яцунскому, выступившему составителем сборника и автором опубликованной в нем статьи «Историческая география как научная дисциплина», В.Н. Шерстобоев писал: «“Вопросы географии” № 20 мне любезно послал В.В. Покшишевский, статья которого об “Илимской пашне” меня тронула» (АРАН. Ф. 1639, оп. 1, д. 637, л. 5).

¹³ Необходимость в этом возникла в связи с отсутствием в Москве одного из официальных оппонентов — С.А. Токарева, чей отзыв был зачитан на заседании Ученого Совета института.

¹⁴ АРАН. Ф. 1877, оп. 1, д. 529, л. 49.

¹⁵ Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 4. В этой связи весьма показательна критика Покшишевским «легковесной попытки» В.Н. Шерстобоева дать универсальную классификацию типов колонизации: «автор здесь забывает о необходимости рассматривать процессы миграции населения и колонизации в непрерывной связи со способом производства, т.е. исторически... Впрочем, весь этот неудачный теоретический экскурс ни в какой степени не связан с основной темой книги» (Вопросы географии. 1950. Сб. 20. С. 310).

¹⁷ Покшишевский В.В. Заселение Сибири... С. 4.

¹⁸ ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 279, л. 11об.

¹⁹ См., например: Экономическая география в СССР. История и современное развитие. М., 1965. С. 138; Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973. С. 207 и др.

²⁰ Там же. л. 2об. Эти опасения были небесспорными, поскольку в это время в Москве вовсю разворачивалась «проработочная» компания вокруг вышедшей в молодогвардейской серии «Наша Родина» «ширпотребной книжечки о Поволжье» (Покшишевский В.В. Поволжье. От Горького до Астрахани. М., 1951), спровоцированная разгромной рецензией в журнале «Советская книга». Хотя и принадлежавшая перу местного «поволжского» автора, она, по мнению В.В. Покшишевского, была инспирирована накануне рассмотрения «дела» в ВАК'е его оппонентами. Отправляясь на одно из посвященных этому вопросу «заседаний», он писал своему сибирскому корреспонденту: «Сейчас иду на заседание...; меня будут долбить за мое "Поволжье", ибо меня долбают и будут долбить, пока не задолбают или пока не свернут себе шею. Буду огрызаться» (ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 279, л. 5).

²¹ См.: Кудрявцев Ф. Новый труд о заселении Сибири // Восточно-Сибирская правда. 1951. 26 сент.

²² Там же.

²³ Характеристика «левак» в данном случае используется для определения историка, игнорирующего роль географической среды в разворачивании исторического процесса (ср. Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. Сб. 20. Историческая география СССР. М., 1950. С. 40).

²⁴ ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 279, л. 5. Не прошло и месяца, как в Иркутск летит новое, полное тревоги письмо: «Наша дружба дает мне право обратиться к Вам с просьбой. Кротов (Кротов Виктор Александрович (1905–1975) — экономико-географ, в те годы заместитель председателя Президиума ВСФ АН СССР, заведующий отделом экономики и географии, редактор книги Покшишевского. — Д.М.) недавно писал мне, что в Иркутске получено распоряжение о приостановке продаж "Заселения Сибири". Мне по ряду причин весьма важно знать — и возможно скорее — от кого исходит это запрещение, его мотивы и прочие подробности» (там же, л. 7об). Тревога оказалась ложной, о чем В.Н. Шерстобоев извещает Покшишевского телеграммой, которую тот сравнивает с «зеленой ветвью, принесенной голубем Ноем». Порядком изнуренный продолжающимся противостоянием, он видит в этом добрый знак: «В качестве Ноя испытываю сейчас трудности плаванья по волнам ВАК'овского моря; "потоп" усердно создают мои недоброжелатели, но ковчег мой пока выдерживает все бури. Не знаю, чем кончится это плаванье; опытные друзья утверждают, что вода уже спадает, что скоро покажется Арарат и можно будет пить вино» (там же, л. 8).

²⁵ Кудрявцев Ф.А. [Рецензия] // Вопросы географии. Сб. 31. История географических знаний и историческая география СССР. М., 1953. С. 268.

²⁶ Там же. С. 267.

²⁷ «Только что вышла очень хорошая книга Иофа «Города Урала» (период до 1861). Я в свое время способствовал продвижению рукописи, сейчас мне предстоит «крестить» ее, как мне удалось сделать с «И.[лимской] П.[ашней]» (ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 279, л. 3об).

²⁸ Покшишевский В.В. [Рецензия] // Вопросы географии. Сб. 31. История географических знаний и историческая география СССР. М., 1953. С. 263.

²⁹ ГАИО. Ф. р-2683, оп. 1, д. 279, л.11.

³⁰ Там же. Л.8об.

³¹ Там же. Л.11об.

³² Там же. Д. 27, л.117.

³³ См.: Майдачевский Д.Я. «Бои за историю» местного значения: Иркутск, 1950-е гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: материалы XXI междунар. науч. конф. Москва, 29–31 янв. 2009 г. М.: РГГУ, 2009. С. 252–256.